

За рамками Об «Игре с шедеврами»

Алексей Мунипов |

С КАКОГО возраста имеет смысл брать в музей с ребенка? Что ему можно разглядывать, а что — рановато? Нужно ли объяснять искусство, а если да, то как?

Мы с моей женой Икой никогда особенно не думали про это — до того момента, пока у нас не появилась дочка. Никакой специальной теории у нас не было, мы просто всегда брали ее с собой — и так в 2016 году оказалась на ретроспективе Босха в Прадо. Ей было четыре с половиной, и на входе нас строго переспросили, действительно ли мы хотим на Босха с ребенком. Это оказалось не такой уж плохой идеей: дочке понравилось рассматривать картины, а самые макабрические детали и общую концепцию ада мы решили разъяснить как-нибудь потом. Но других таких родителей на выставке не оказалось. И, в общем, было ясно, что про детей там никто не думал. Картины висели высоко, и, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь, ребенку нужно было сперва раздвинуть взрослых и хорошенько подпрыгнуть. «Здорово было бы сделать выставку с настоящим искусством, но хоть как-то имеющую в виду детей», — сказала потом Ика.

Как ни странно, мы ее сделали. Выставка «Игра с шедеврами: от Анри Матисса до Марины Абрамович» открылась в феврале в Еврейском музее и Центре толе-

рантности. Организаторам удалось собрать больше 30 работ из частных коллекций, российских и европейских музеев: от Пикассо, Кандинского, Малевича и Гончаровой до Джакомо Тони, Бэкона и Кателлана. Театральный художник Алексей Трегубов нарисовал сложную архитектуру, в которой нашлось место не только подъемам и спускам, но даже горке. Мы придумали выставку, устроенную как лабиринт с секретными комнатами, лестницами и тайными дверцами. Опустили картины на уровень детских глаз, вспомнили игру в «секретики», ранние перформансы Йоко Оно и манифесты Кандинского и поставили у входа пустую раму и говорящий стул. Нам была важна игра, а еще важна телесность — тело в музее обычно тоскует, мы же хотели подключить и его.

«Игра» выстроена вокруг довольно простой идеи. Искусство можно попытаться понять, и обычно именно этому учат в музейном пространстве. А можно почувствовать, и для этого, в сущности, ничего не нужно — просто, как говорила королева Гертруда, глаза направить прямо в душу. Разумеется, это только звучит просто. Мы привыкли оценивать, но не привыкли прислушиваться к тому, что мы чувствуем, глядя на картину. Чтобы напомнить о том, что это возможно, нам пришлось погово-

рить с посетителями языком вкрадчивого терапевта. Некоторым показалось, что это уж слишком, что выставка берет их за пуговицу и принуждает к чувствам. И это счастливые зрители — у них давно налажен свой контакт с искусством. В любом дополнительном усилии они чувствуют сужение пространства свободы. Им не нужна игра — им достаточно шедевров.

Но, как оказалось, очень многим нужна именно игра. Сперва друзья, а потом друзья друзей стали присылать нам сообщения: их дети просят на выставку по второму и по третьему разу, сами проводят экскурсии и перерисовывают дома Кандинского и Матисса. «Игра» побил рекорды посещаемости, по воскресеньям у входа змеятся очереди. Видимо, в этой идее что-то есть.

На самом деле эта выставка только притворяется детской. Взрослые точно так же чувствуют себя потерянными в музеях и благодарны за любые ключи. Придя единожды, они часто возвращаются без детей. Наклейки-эмодзи, которые мы придумали выдавать на входе, чтобы у зрителей получалось что-то вроде персонального эмоционального дневника, азартно наклеивают серьезные мужчины. По горке скатываются старушки. За то, что мы повесили картины ниже обычного, больше всего бла-

годарны инвалиды-колясочники. У некоторых работ есть трехмерные тактильные модели для слабовидящих, но ощупать их пытается буквально каждый. «Игра» оказалась инклюзивной в самом широком смысле слова: она пытается вовлечь в свою орбиту всех, кто может чувствовать. То есть всех, кто способен дышать.

Виктор Пивоваров (две его работы есть на выставке) в беседе признавался, что в его кругу разговоры о связи искусства с эмоциями не поощрялись. Музеи тоже не вполне понимают, как об этом говорить. Но явно стараются изменить такое положение дел. Несколько лет назад философ Ален де Боттон написал книгу «Искусство как терапия», где предложил план переделки Tate, а позже сделал выставку в Рейкьюсе, где картины сопровождалась глубокими мысленными записками-стикерами. Музейный мир Боттона скорее высмеял, но не забыл. Только что в Берлине прошла громадная музейная конференция, и вся она была посвящена теме эмоций: как говорить со зрителями об их чувствах, как эмоционально вовлекать публику. Оказывается, музеи — отличное место для этого. Сами того не ожидая, мы со своей тихой игрой оказались частью большого эмоционального поворота.